Часть XVII

Извѣстнѣйшая русская библіотека

Мар. 1,00

М. ГОРЬКІЙ

ЗАПРЕЩЕННОЕ

О писателѣ, который зазнался.
Передъ лицомъ жизни. — Весеннія мелодіи.
Л. Толстой, Царю и его помощникамъ.

1902 * БЕРЛИНЪ * 1902
ИЗДАНІЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА

M. Gorki, Verbotenes

BERLIN SW. 1902, HUGO STEINITZ VERLAG

М. ГОРЬКІЙ.

ЗАПРЕЩЕННОЕ.

М. ГОРЬКІЙ

ЗАПРЕЩЕННОЕ

О писателѣ, который зазнался.

Передъ лицомъ жизни. — Весеннія мелодіи.

Л. Толстой, Царю и его помощникамъ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1902.

Содержаніе.

I. О писателѣ, который зазнался 7
II. Передъ лицомъ жизни 27
III. Весеннія мелодіи 33
IV. Л. Толстой, Царю и его помощникамъ . . . 45

I.

О писателѣ, который зазнался.

Не хорошо, когда писатель много имѣетъ почитателей, не хорошо! Только болотнымъ растеніямъ не вредитъ избытокъ сырости. Дубамъ нужно ея въ мѣру.

Здѣсь я разсказываю объ одномъ парнѣ изъ писателей, который по дорогѣ къ цѣли своей неожиданно забрелъ въ трязину популярности, о томъ, какъ смѣшно и неловко онъ велъ себя, наглотавшись толпы похвалъ, и что произошло съ нимъ. когда голова закружилась отъ туманныхъ испареній славы.

Былъ этотъ парень простодушный, но не совсѣмъ дуракъ и отличался отъ товарищей по ремеслу тѣмъ, что всегда былъ искрененъ и потому каждый день противорѣчилъ себѣ.

Жилъ онъ въ странѣ, литература которой пользовалась всемірной славой, и когда началъ спотыкаться о первые признаки популярности, то отнесся къ нимъ съ недовѣріемъ и подумалъ „Странно — въ трубы имъ тру-

бятъ — не слышатъ, дудочка поетъ — радуются, смѣются . . .“

Парень этотъ не былъ скроменъ, отнюдь нѣтъ! Но онъ зналъ себѣ цѣну, вотъ въ чемъ дѣло . . . И еще онъ зналъ, что въ его родной странѣ нѣтъ народа, а есть только публика, и что именно публика создаетъ литературныя и иныя репутаціи; народъ живетъ своимъ бытомъ, писателями пренебрегаетъ, вѣритъ въ колдуновъ, всю жизнь только работаетъ, но всегда голодаетъ и всю литературу вмѣстѣ съ другими, любимыми публикой искусствами, въ любой моментъ готовъ промѣнять на куль муки.

Но хотя мой парень твердо зналъ всё это, однако — человѣкъ онъ былъ! И къ тому же всѣ, всѣ писатели и другіе мудрые — люди болѣе или менѣе ограниченные. Онъ началъ чувствовать, что ожесточенное вниманіе публики къ его силамъ — пріятно ему. Онъ сталъ получать отъ читателей лестныя письма.

Одинъ читатель писалъ: „Талантливый“, другой чернымъ по бѣлому выводилъ: „Многоуважаемый“, какакая то читательница написала просто, но сильно: „Душка! Спасибо!“ точно писатель-то шелку на кофточку ей по-

дарилъ. А одинъ лавочникъ, торговавшій книгами, прислалъ письмо слѣдующаго содержанія: „М. Г. г-нъ писатель! Будучи заинтересованъ, почему это публика такъ здорово покупаетъ ваши многоуважаемыя книги, я оныя прочелъ и изъ меня вылились слѣдующія стихи;

Какъ лиліи въ болотѣ,
Въ душѣ моей унылой
Цвѣли мечты и грёзы
О жизни безъ препонъ.
Цвѣли онѣ, но рѣдко
Цвѣли и увядали,
И въ тинѣ сердца гнили,
И пахли очень скверно . . .
Но ты проникъ мнѣ въ сердце
Своимъ горячимъ словомъ,
Какъ искрами осыпалъ
Ты мракъ моей души!
И запылалъ я страстно
И сталъ безумно храбрымъ
И нынѣ гордо пахну
Паленою щетиной.

Съ истиннымъ почтеніемъ

Семенъ Ястребовъ.

И много другихъ складострастныхъ вниманій получалъ мой писатель отъ публики. А чертъ, вѣрный спутникъ писателя, смѣясь подсказывалъ ему: „Не смуться, дурачекъ, вѣдь это по заслугамъ тебѣ, ты теперь для публики, какъ молодая любовница разслабленному старику. А также ты не притворяйся скорбнымъ, ибо — „карасъ любитъ чтобы его жарили въ сметанѣ. а писатель — чтобъ его коптили въ дыму славы. Хо-хо-хо!“

И вотъ парень мой началъ потихоньку высовываться на глаза влюбленной въ него публики. Видитъ — рукоплещетъ она. И сталъ онъ къ этому привыкать, какъ пьянца къ водкѣ, и стало ему безъ рукоплесканій скучновато жить и съ тѣмъ вмѣстѣ зазнаваться парень сталъ.

Вотъ однажды въ модномъ мѣстѣ толпа публики окружила его, приперла къ стѣнѣ и, хлопая въ ладоши, одобрительно прокричала: „Браво! Бра-во!“ а онъ сталъ передъ толпой умиленно улыбаясь и было ему такъ сладко, точно его въ патокѣ варили . . . Первый разъ видѣлъ онъ публику на такомъ близкомъ разстояніи . . . И вдругъ ему стало неловко передъ нею, даже жутко; показалось

ему, что сейчасъ начнутъ его щекотать подъ мышками и въ головѣ его зароились разныя нелѣпыя мысли. Казалось, что каждый изъ толпы, разглядывая его, мысленно сравнивалъ свои уши съ ушами писателя, желая съ точностью опредѣлить, чьи длиннѣе. И мой парень почувствовалъ, что уши его растутъ и достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. А публика смотритъ и кричитъ: „Браво! Браво!“ Тогда въ умѣ моего парня загорѣлось зловѣщее сомнѣніе въ принадлежности самому себѣ и онъ подумалъ: „они считаютъ меня собственностью и сейчасъ начнутъ играть мною, къ мячикомъ.“ А чертъ стоя сзади него, ехидно посмѣивался: „хе-хе-хе! Гляди-ко, гляди!“ Взглянулъ мой бѣдный парень, — видитъ — съ десятковъ возрасла толпа до сотенъ и все рукоплещетъ. Стоятъ среди ея благовоспитанные потомки Іуды Искаріота, Игнатія Лойолы и всѣхъ другихъ христопродавцевъ, стоятъ твердо и тоже рукоплещутъ ему. Глаза публики, какъ сотни иголокъ, воткнулись въ грудь моего парня, а онъ смотрѣлъ въ смущеніи на толпу и видѣлъ: всѣ лица ея слились въ одно огромное, мрачное. рабское лицо и на немъ не было глазъ,

а только два мутныхъ пятна на мѣстѣ ихъ и носъ на лицѣ этомъ былъ длиненъ, какъ хоботъ слона.

„Смотри! — сказалъ чертъ злорадно хихикая, — вожди ея вытянули носъ ей, но не зажгли огня въ сердцѣ ея и вотъ она слѣпая. И посмотри, какой у нея языкъ, ты посмотри!“

Передъ глазами моего героя шевелились огромныя, чувственныя губы, открывая глубокую черную яму, въ глубинѣ которой ворочалось какое то скользкое, короткое, толстое болтало и со смрадомъ выговаривало: „Бра-а-во! Браво!“

„Я, господа, въ искренность Вашего отношенія вѣрю . . . только плохо понимаю, чѣмъ я вызвалъ у васъ столь теплое чувство. Иногда, знаете, мнѣ кажется, будто вы меня за то любите, что я не ношу сюртука и въ своихъ разсказахъ часто употребляю неприличныя слова. И порой мнѣ думается, что если бы я научился лирическіе стихи лѣвой ногой писать, вы бы еще теплѣе, еще съ большимъ вниманіемъ отнеслись бы ко мнѣ.

„Браво! Бра-во!“ рявкнула публика.

„И видите ли, мнѣ думается, что вы не настоящіе читатели, а просто почитатели. Читатель — онъ знаетъ, что важенъ не человѣкъ — важенъ духъ человѣческій, и писателя не разглядываютъ, какъ теленка о двухъ головахъ. Онъ его читаетъ, но ему не вѣритъ, а надъ книгой самъ думаетъ: „Вотъ это такъ, а это не такъ“, а подумавъ, онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее и потомъ это хорошее называютъ исторіей, вы же, господа, творите не исторію, а скандалы. И настоящаго читателя совсѣмъ немного на землѣ, а такихъ какъ васъ — вонъ сколько. По совѣсти моей, я долженъ сказать, что никакихъ симпатій, а тѣмъ болѣе уваженій, не питаю къ вамъ . . . Товарищи говорятъ мнѣ, что публику уважать нужно, но никто не могъ объянить за что. Какъ вы думаете, за что можно уважать васъ?

Писатель замолчалъ, вопросительно посматривая на публику. Она тоже молчала и какъ бы затуманилась немножко.

Откуда то подуло холоднымъ вѣтромъ. — „Вотъ видите, — послѣ долгаго молчанія сказалъ писатель, — вы сами не въ состояніи

придумать, за что можно было бы уважать васъ".

Какой то рыжій человѣкъ открылъ ротъ и басомъ молвилъ: „Мы люди".

„Ну много ли среди васъ настоящихъ людей? Можетъ быть человѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть творецъ и владыка жизни, а право его свободно думать, говорить, ходить — святое право; можетъ быть только пять изъ тысячи способны бороться за это право и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него. Большинство изъ васъ рабы жизни или наглые хозяева ея и всѣ вы — кроткіе мѣщане, временно заступающіе настоящихъ людей, то, что въ васъ есть человѣческаго, только зоологическое. Я вотъ смотрю въ ваши тусклые и робкіе глаза и со страхомъ вижу, какъ мало среди васъ смѣлыхъ, какъ мало честныхъ! Бѣдна страна моя людьми смѣлыми, а ужъ вновь наступаетъ время, когда ей нужны герои!"

Человѣкъ двадцать обратились затылками къ оратору и пошли прочь. Онъ же продолжалъ: „Хорошій, живой человѣкъ всегда куда нибудь стремится, чего нибудь ищетъ, а вы живете тихо, смирно, неподвижно — такъ,

какъ приказали вамъ. Жить вамъ тѣсно, думать лѣнь, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ, — точно у кокотки въ гостинной, бездѣлушки на полкахъ торчатъ, — полусгнившія традиціи, да разныя житейскія правила, ни къ черту негодныя. Все это мѣшаетъ вамъ рукою шевельнуть, но все это ваши маленькіе идеалы, а вы не смѣете низвергнуть ихъ, хотя они какъ оковы вамъ. И когда вѣтеръ съ поля приноситъ въ затхлый воздухъ вашихъ поръ новые, свѣжіе запахи—вы опасаетесь флюса въ сердцѣ, закрываете всѣ форточки. Безпокойства не любите вы, безпокойство пугаетъ васъ! Но вамъ нужно имѣть что нибудь для разговора, нужно чѣмъ нибудь занимать своихъ гостей и какъ нищіе на паперти, вы протягиваете руки къ литературѣ, чтобы взять у ней что нибудь для развлеченія. Литература для васъ старая приправа, какъ пряности вашей сумрачной жизни; вамъ нравится, когда люди пишутъ кровью и желчью, но только нравится. И ни любви, и ненависти не возбуждаетъ въ груди у васъ литература — ничего, кромѣ криковъ одобренія или хулы. Вы не люди, вы зрители, вы публика; жизнь не дрогнула бы, если бы вы сразу ис-

чезли изъ нея; провались вы всѣ въ землю — ничего не измѣнится на землѣ!“ — Писитель въ страхѣ закрылъ глаза, чувствуя, что его куда та всасываетъ. Но когда открылъ ихъ, передъ нимъ стояли люди, — самые, самые обыкновенныя люди стояли передъ нимъ крѣпкой стѣной, лица ихъ улыбались, глаза сверкали удовольствіемъ дѣтей, увидавшихъ новую игрушку, и все вокругъ него было просто и обычно. Отъ этихъ улыбокъ и ласковыхъ глазъ писателю стало тепло, страхъ растаялъ въ сердцѣ его и ему захотѣлось сказать что нибудь публикѣ, что нибудь этакое задушевное. Онъ вздохнулъ какъ могъ глубоко и сказалъ, прижавъ руку къ своему испуганному сердцу: — „Господа!“ . . .

— „Браво! — Тс-с-с . . . — Тише!“

— „Ш . . . ш . . . ш . . . онъ хочетъ говорить.“

— „Господа, сказалъ онъ: вниманіе ваше пріятно щекочетъ мнѣ сердце. Я, кажется, понимаю васъ. Когда я былъ маленькимъ и слышалъ военную музыку, я бывало бѣжалъ за ней и меня тоже занимала не столько сама музыка, сколько то, какъ солдатъ, играющій

на большой трубѣ, надувалъ щеки. Благодарю васъ, господа!“

— „Браво!“ закричала публика. — „Мы любимъ васъ!“ — громкосказалъ кто-то.

— „Спосибо!“ еще разъ сказалъ писатель, растроганный и умиленный. — „Браво!“

— „Господа, возносясь куда то крикнулъ мой герой — давайте говорить по душамъ.“

— „Бр-а-во!“

А чертъ, стоя сзади писателя, все посмѣивался — хитрый!

— „Вы стонки, потому что рабы. Васъ бьютъ — вы молчите, васъ оскорбляютъ — вы улыбаетесь. Васъ возмущаютъ только жены, когда не вкусенъ обѣдъ, а страдаете вы отъ жадности ко благамъ жизни, отъ зависти другъ къ другу и отъ несваренія желудка. Когда сапогъ жметъ вамъ ногу вы стонете: „О какъ правъ Шопенгауеръ!“ а слыша крикъ „свобода!“ — вы думаете про себя: „что ему Гекуба?“ Чертъ бы васъ всѣхъ забралъ! Если бы вы знали, къ вы жалки, какъ противны, какъ ужасно и тяжко жить среди васъ! Вамъ говорятъ: жизнь страшна, жизнь мрачна, она вся сочится кровью. Вы не вѣрите — ваша жизнь только пошла и скучна, и когда вамъ

указываютъ смерть и ужасъ этой пошлости, вы остаетесь спокойными, интересуетесь лишь однимъ, красиво ли сказано. Эстетики, утопающіе въ грязи, хотя бы скорѣе захлебнулись вы его!“

Публика постепенно таяла. Она не любитъ длинныхъ рѣчей. А чертъ посмѣивался—онъ вѣдь знаетъ настоящую цѣну всего этого. Но ораторъ, увлеченный исполненіемъ своего долга, ничего не замѣчалъ. — „Жизнь—героическая поэма, а человѣкъ, который ищетъ сердца ея и не находитъ, хочетъ все знать— и не можетъ, стремится быть могучимъ, какъ отецъ его на небесахъ — и не въ силахъ побѣдить своей слабости. Слыхали вы что нибудь объ истинѣ, о справедливости, о желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми?.. Вамъ хочется быть только сытыми, жить въ теплѣ, насиловать и развращать женщинъ подъ видомъ любви къ нимъ. Вамъ хочется жить спокойно, уютно, потихоньку — вотъ ваше счастье! А желаніе ваше лучшаго счастья — желаніе купить на грошъ пятаковъ. Счастье ловятъ крѣпкими мускулистыми руками, а вы — трусливые, слабые, хилые, вы даже и мухи не

можете поймать безъ помощи со стороны, вы даже и мухами сражаетесь посредствомъ ядовитыхъ бумажекъ „Смерть мухамъ“. Мнѣ жалко мухъ. Онѣ жужжатъ и тѣмъ мѣшаютъ спать, но я съ радостью написалъ бы для васъ бумажку: „Смерть мухамъ!“, чтобы вы, читая ее, отравились бы безпокойствомъ. Вижу — я не правъ: здѣсь вы безпокоитесь... Когда вамъ становится неудобно жить, потому что не хватаетъ жалованья для прокормленія семьи или отъ того, что вамъ — отъ скуки жить съ вами — измѣняютъ ваши жены, вы стонете, философствуете, жизнь вамъ кажется гадкой и тяжелой до поры, пока вамъ не прибавятъ жалованья или вы не найдете себѣ любовницы. И наполняя жизнь старческимъ брюзжаньемъ, сквернымъ скрипомъ разочарованія, своими жалобами на нее, вы отравляете слухъ вашихъ юныхъ дѣтей. Вы останавливаете ихъ слухъ на мелочахъ жизни, на пошлостяхъ ея и ихъ мысль тупится какъ мечь, которымъ рубятъ сучья, а не головы. Потомъ и дѣти, утомленные вашими разсказами о жизни, которой вы не знаете, тихо идутъ проторенными тропами, предвременно старенькіе, холодненькіе, дрян-

ненькіе. Идутъ они и ищутъ жизнь теплую, жизнь тихую, жизнь уютную, находятъ ее и существуютъ потихоньку, по примѣру отцевъ. Они какъ свѣжая известь, которою замазали трещину въ старомъ зданіи. Это тяжелое, грязное зданіе все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило. Оно сотрясается отъ дряхлости, охвачено предчувствіемъ близкаго разрушенія и въ страхѣ ждетъ толчка, чтобы съ шумомъ развалиться. И уже зрѣютъ силы для толчка, онѣ наростаютъ, онѣ едва могутъ сдержать себя и то тамъ, то тутъ вспыхиваютъ пламенемъ нетерпѣнія. Онѣ придутъ, тогда старое зданіе задрожитъ, рухнетъ на головы вамъ и раздавятъ васъ, хотя вы только за то достойны казни, что ничего не сдѣлали. Но невинныхъ нѣтъ въ жизни!..“

Публики осталось совсѣмъ немного. Часть ея смотрѣла на писателя съ сожалѣніемъ; любя читать его разсказы, она съ грустью слушала его рѣчь, ибо въ этой рѣчи ничего не было эстетическаго. Нѣкоторые смотрѣли насмѣшливо. Всѣмъ было скучно и никто не обижался. Вотъ какой то юноша, нахмурившись, сердито крикнулъ: „Все это слова! Вы скажите, какая у васъ программа практики“.

А почтенный господинъ со вздохомъ замѣтилъ: „Эхъ, и я въ молодости былъ романтикъ!“ Дама въ черномъ платьѣ спросила: „Что онъ женщинъ ругаетъ?“ Чортъ смѣется. . . — „Еще, нужно сказать вамъ, очень ужъ любите быть несчастными! Я думаю, вы это дѣлаете по расчету; вамъ не чѣмъ возбудить другъ къ другу уваженія и любви, вотъ вы и становитесь несчастными, чтобы возбуждать къ себѣ жалость и сочувствіе; дешевенькія иллюзіи, которыми вы одинаково надѣляете другъ друга съ тою же цѣлью, какъ собаченку, когда колесо экипажа раздавитъ ей ногу. Если бы у васъ было здоровое и крѣпкое чувство любви жизни!.. Вѣдь вы не любите жизнь, вы боитесь ея, вы тихонько, какъ воры, отрываете отъ нея кусочки. Кроткіе люди! бѣдные нищіе! пошли Господи побольше бѣдъ на вашу голову, дабы вы обезпокоились, дай Боже множество тревогъ вамъ, чтобы вы ожили!“ Изъ троихъ, стоявшихъ предъ ораторомъ, одинъ обидѣлся и сказалъ: „Да не всѣ мы таковы, чортъ возми! Это наконецъ несправедливо“. — „Господа, не требуйте отъ меня справедливости — ея нѣтъ въ жизни, ея нѣтъ еще пока — какъ среди

васъ можетъ родиться справедливость? И всѣ вы одинаково плохи. Вы—общество, какъ дѣлить васъ на хорошихъ и дурныхъ? Вы всѣ въ юности вооружались знаніями, сидя въ гимназіи, и всѣхъ васъ учатъ одному и тому же. Я думаю, вы учились хорошему, ибо увѣренъ, что дурному вы не позволили учить себя. Мнѣ трудно представить себѣ университетъ, въ которомъ учили бы человѣконенавистничеству юношей, безстрастному чиновничьему отношенію къ жизни, стремленію къ тепленькимъ мѣстамъ и прочимъ премудростямъ. Мнѣ почему то всегда казалось, что учатъ не этому, но однако, когда вы входите въ жизнь, всѣ эти мерзости не убываютъ въ ней отъ вашего присутствія. Я не увѣренъ, что вы приносите свѣженькія пакости съ собой и этого не буду утверждать. Я только знаю, что въ двадцать пять вы отрицаете собственность, а въ 35 у васъ собственные дома. Я знаю, вы умѣете работать на себя, но спрашиваю: что вы сдѣлали для жизни? Вы всѣ одинаково холодно чувствуете, даже тѣ изъ васъ, которые горячо говорятъ сколько мерзости вокругъ васъ!.. Вы пробуете уничтожить ее? Вы изгоняете вонъ

отъ васъ? Нѣтъ, но лучшіе изъ васъ, я видѣлъ, брезгливо прячутся отъ нея. Стремленіе быть чистенькимъ — не дурное стремленіе, но честный человѣкъ не боится грязи. Будемъ говорить по совѣсти, въ томъ, что наша жизнь такъ скверна, мы всѣ одинакого виноваты. На землѣ нѣтъ правыхъ, нѣтъ еще! А откуда у васъ много холопства предо мною и гдѣ научились рабски бояться за цѣлость вашей шкуры? Я утверждаю — все подлое и отвратительное, что бросается въ глаза на каждомъ шагу, — живо, сильно и такъ ярко цвѣтетъ вокругъ васъ всюду потому только, что опирается на твердую почву, на нашъ страхъ за свои шкуры, на наши холопскія чувства. Въ позорѣ жизни виноваты мы всѣ одинаково. И если бы я вѣрилъ въ силу проклятія, я проклялъ бы васъ всѣхъ, но я вѣрю въ нѣчто другое — скоро придутъ иные люди, люди смѣлые, честные, сильные,— скоро!..“

— „Ну будетъ уже“ — сказалъ чортъ улыбаясь. Мой парень оглянулся — передъ ними и вокругъ него не было ни души. — „Странно, сказалъ онъ: куда же ушли? Я еще не кончилъ!..“

— „Они сгорѣли въ огнѣ твоихъ рѣчей! Ха, ха! Видишь копоть на потолкѣ? — Это все, что отъ нихъ осталось! Иди!..“

Я не знаю, что было дальше съ моимъ парнемъ, мнѣ не хочется выдумывать конца этой исторіи, я не предчувствую въ немъ ничего хорошаго для моего героя. Но я увѣренъ — нехорошо, когда у писателя много почитателей. И всякій человѣкъ, имѣющій дѣло съ публикой, долженъ насыщать воздухъ вокругъ себя карболовой кислотой правды. Вотъ и все.

II.

Передъ лицомъ жизни.

Передъ лицомъ суровой жизни стояли двое людей, оба недовольные ею, и на вопросъ: „Чего вы ждете отъ меня?“ одинъ изъ нихъ усталымъ голосомъ сказалъ: „Я возмущенъ жестокостью твоихъ противорѣчій, безсильно разумъ мой пытается понять смыслъ бытія, и сумракомъ недоумѣнія передъ тобой душа моя полна. Мое самосознанье говоритъ мнѣ, что человѣкъ есть лучшее изъ всѣхъ твореній“ . . .

— Чего ты хочешь отъ меня? безстрашно спросила жизнь.

— Счастья! . . . Для счастья моего необдимо, чтобы ты примирила двѣ основы противорѣчій души моей: мое „хочу“ съ твоимъ „ты долженъ“.

— Желай того, что долженъ для меня, сурово сказала жизнь.

— Я жертвою твоею быть не желаю! воскликнулъ человѣкъ. Я властелиномъ жизни

быть хочу, а долженъ выю гнуть въ ярмѣ ея законовъ — для чего? . . .

— Да вы говорите проще! сказалъ другой, стоявшій ближе къ жизни, а первый продолжалъ, не удѣливъ вниманія словамъ товарища:

— Я хочу свободы — жить въ гармоніи съ желаньями своими и не желаю быть для ближняго по чувству долга ни братомъ, ни слугой, и буду тѣмъ, чѣмъ захочу свободно — рабомъ или братомъ. Я не желаю въ обществѣ быть камнемъ, который общество кладетъ, куда и какъ захочетъ, устраивая тюрьмы благополучья своего. Я человѣкъ, я духъ и разумъ жизнь, я долженъ быть свободенъ!

— Постой, сказала жизнь, сурово усмѣхаясь. — Ты много говорилъ, и все, что скажешь дальше, мнѣ извѣстно. Ты хочешь быть свободнымъ! Что же? — Будь! Борись со мною, побѣди меня и будь мнѣ господинъ; а я тогда твоей рабой буду. Ты знаешь, я безстрастна и побѣдителямъ всегда легко сдавалась. Но нужно побѣдить! Ты на борьбу со мной, своей свободы ради, способенъ? да?

достаточно силенъ ты для побѣды и въ силу вѣруешь свою?

И человѣкъ сказалъ уныло: „Ты вовлекла меня въ борьбу съ самимъ собою, ты наточила разумъ мой, какъ ножъ, онъ вонзился мнѣ далеко въ душу и раздавилъ ее!“

— Да вы съ ней строже говорите, не жалуйтесь, сказалъ другой.

А первый продолжалъ: „Я отдохнуть хочу отъ гнета твоего. О, дай вкусить мнѣ счастья!“

Жизнь снова усмѣхнулась усмѣшкой, подобной блеску льда:

— Скажи, когда ты говоришь, ты требуешь иль просишь?

— Прошу, какъ эхо, человѣкъ сказалъ.

— Ты просишь, какъ привычный нищій; но, бѣдный мой, сказать тебѣ должна я — жизнь милостыни не даетъ. И знаешь что? Свободный, онъ не проситъ, онъ самъ беретъ дары мои . . . А ты, ты только рабъ моихъ желаній, не болѣе. Свободенъ тотъ, въ комъ сила есть отъ всѣхъ желаній отказаться, чтобы въ одно себя вложить. Ты понялъ? Отойди!

Онъ понялъ и улегая, какъ собака, у ногъ

безстрастной жизни, чтобы тихонько ловить куска съ ея стола, ея объѣдки.

Тогда безцвѣтные глаза суровой жизни взглянули на другого человѣка — то было грубое, но доброе лицо:

— О чемъ ты просишь?

— Я не прошу, а требую.

— Чего?

— Гдѣ справедливость? Дай ее сюда. Все остальное послѣ я возьму, пока нужна мнѣ только справедливость. Я долго ждалъ, я терпѣливо ждалъ, я жилъ въ трудѣ, безъ отдыха, безъ свѣта! Я ждалъ . . . но будетъ! Гдѣ справедливость?

И жизнь ему безстрастно отвѣтила „возьми“.

III.

Весеннія мелодіи.

Въ саду за окномъ моей комнаты по голымъ вѣтвямъ акацій прыгаютъ воробьи и оживленно разговариваютъ, а на конькѣ крыши сосѣдняго дома сидитъ почтенная ворона и, слушая говоръ сѣрыхъ птичекъ, важно покачиваетъ головой. Теплый воздухъ, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, приноситъ мнѣ въ комнату каждый звукъ, и я слышу неторопливый и негромкій голосъ ручья, слышу тихій шорохъ вѣтвей, понимаю, о чемъ воркуютъ голуби на карнизѣ моего окна, и вмѣстѣ съ воздухомъ мнѣ въ душу льется музыка весны.

— Чикъ-чирикъ! говоритъ старый воробей, обращаясь къ товарищамъ.

— Вотъ и снова мы дождались весны . . . неправда-ли? Чирикъ-чирикъ!

— Фа-актъ, фа-актъ! — граціозно потягивая шею отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Будучи отъ природы глухой, она еще и пуганная, какъ большинство воронъ. Она занимаетъ въ обществѣ прекрасное положеніе и каждую зиму устраиваетъ что-нибудь благотворительное для голубей. — Я знаю воробья: хотя съ виду онъ кажется легкомысленнымъ и даже либераломъ, но въ сущности эта птица себѣ на умѣ. Онъ прыгаетъ около вороны съ виду почтительно, но въ глубинѣ души хорошо знаетъ ей цѣну и иногда не прочь разсказать о ней двѣ, три пикантныхъ исторій.

А на карнизѣ окна молодой щеголеватой голубь горячо утверждаетъ молодую голубку: я умру, умру отъ разочарованія, если ты не раздѣлишь со мной любовь мою.

— А знаете, сударыня, чижики прилетѣли! сообщаетъ воробей.

— Фа-актъ!

— Прилетѣли и шумятъ, порхаютъ и щебечутъ . . . Ужасно безпокойныя птицы. И

синицы явились за ними . . . какъ всегда . . . хе-хе! Вчера, знаете, я спросилъ въ шутку одного изъ нихъ: что, гоулбчикъ, вылетѣли? Отвѣтилъ дерзостью . . . Въ этихъ птицахъ совершенно нѣтъ уваженія къ чину, званію и общественному положенію собесѣдника. Я надворный воробей . . .

Но тутъ изъ-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой воронъ и вполголоса отрапортовалъ: „Внимательно прислушиваясь по долгу службы къ разговорамъ всѣхъ населяющихъ воздухъ, воду и нѣдра земли тварей и неукоснительно слѣдя за ихъ поведеніемъ, честь имѣю донести, что означенные чижики щебечутъ обо всемъ и осмѣливаются надѣяться на якобы скорое обновленіе природы“.

— Чикъ-чирикъ, воскликнулъ воробей, безпокойно оглядываясь на доносителя. А ворона благонамѣренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказалъ воробей. А на счетъ обновленія всей природы это . . . конечно пріятно . . . если происходитъ съ разрѣшенія тѣхъ силъ, коимъ надлежитъ сіе вѣдать.

— Фа-актъ, сказала ворона, окинувъ собесѣдника благосклоннымъ окомъ.

— Къ вышеизложенному долженъ добавить, — продолжалъ воронъ, — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, изъ которыхъ они утоляютъ жажду, якобы мутны, нѣкоторые же изъ нихъ дерзаютъ даже мечтать о свободѣ . . .

Ахъ, это они всегда такъ! воскликнулъ старый воробей. Это отъ молодости у нихъ, это ничуть не опасно! Я тоже былъ молодъ и тоже мечталъ о . . . ней. Разумѣется, скромно мечталъ . . . Но потомъ это прошло. Явилась другая „она“, она болѣе реальная . . . хе-хе-хе . . . и знаете, болѣе пріятная, болѣе необходимая воробью . . . хе-хе!

— Э-гмъ! раздалось внушительное кряхтенье. На вѣтвяхъ лишь явился дѣйствительный статскій снигирь, онъ милостиво раскланялся съ птицами и заспорилъ.

— Э-к-не, замѣчаете ли вы, господа, въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то, э?

— Весенній воздухъ ваше-ство, сказалъ воробей. А ворона только склонила голову на

бокъ и каркнула звукомъ нѣжнымъ, какъ блеяніе овцы.

— Н-да . . . вчера за винтомъ тоже говорилъ потомственный почетный филипъ . . . чѣмъ то. говоритъ пахнетъ . . . А я отвѣчаю: замѣтимъ, понюхаемъ, разберемъ. Резонно, э?

— Точно Такъ, ваше-ство.

— Вполнѣ резонно почтительно согласился старый воробей. Всегда ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждетъ.

На проталину сада спустился съ неба жаворонокъ и, озабочено бѣгая по ней, забормоталъ:

И заря своей улыбкой нѣжно гаситъ въ небѣ звѣзды . . . ночь блѣднѣетъ, ночь трепещетъ, и какъ ледъ на солнцѣ — таетъ тьмы ночной покровъ тяжелый. Какъ легко и сладко дышетъ сердце, полное надежды, встрѣчѣ свѣта и свободы . . .

— Это, что за птица? спросилъ снигирь, прищурываясь.

— Жаворонокъ, ваше-ство, строго сказалъ воронъ изъ-за трубы.

— Поэтъ, ваше-ство! снисходительно добавилъ воробей.

Снигирь искоса поглядѣлъ на поэта и прохрипѣлъ:

М- . . . какой сѣрый . . . прохвостъ! Онъ что-то намъ на счетъ солнца, свободы прошелся, кажется?

— Такъ точно, ваше-ство! подтвердилъ воронъ, — занимается возбужденіемъ неосновательныхъ надеждъ въ сердцахъ молодыхъ птенцовъ, ваше-ство.

— Предосудительно и . . . глупо!

— Совершенно справедливо, ваше-ство, отозвался старый воробей, — глупость! свобода, ваше-ство, есть нѣчто неопредѣленное и, такъ сказать, неуловимое . . .

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами къ ней . . . взывали?

— Фа-актъ! вдругъ вскрикнула ворона. Воробей смутился.

— Дѣйствительно, ваше-ство, однажды возвалъ . . . но при смягчающихъ вину обстоятельствахъ . . .

— А! . . . то есть какъ?

— Послѣ обѣда, ваше-ство! подъ вліяніемъ, т. е. подъ давленіемъ винныхъ паровъ . . . И съ огорченіемъ возвалъ, ваше-ство!

— То есть какъ?

— Тихо сказалъ: да здравствуетъ свобода! и тотчасъ же громко прибавилъ: въ предѣлахъ законности. Снигирь посмотрѣлъ на ворону.

— Такъ тачно, ваше-ство, отвѣтилъ воронъ.

— Я, ваше-ство, будучи надворнымъ воробьемъ, не могу себѣ позволить серьезнаго отношенія къ вопросу о свободѣ, ибо сей вопросъ не значится въ числѣ разрабатываемыхъ вѣдомствомъ, въ которомъ я имѣю честь служить . . .

— Фа-актъ! снова каркнула ворона. Ей все равно, что подтверждать.

А по улицѣ текли ручьи и пѣли тихую пѣсьню о рѣкѣ, куда вольются, и о своемъ будущемъ:

— Широкія, быстрыя волны насъ примутъ, обнимутъ и въ море съ собой унесутъ и снова, быть можетъ, насъ въ небо поднимутъ горячаго солнца лучи, а съ неба мы снова на землю падемъ прохладной росой въ ночи, снѣжниками или обильнымъ дождемъ.

Солнце великолѣпное, ласковое солнце

весны улыбается въ ясномъ небѣ улыбкою бога, полнаго любви, пылающаго страстью творчества.

Въ углу сада, на вѣтвяхъ старой липы сидитъ стайка чижиковъ, и одинъ изъ нихъ вдохновенно поетъ товарищамъ гдѣ-то слышанную пѣсню о Буревѣстникѣ:

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, — и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ птицы въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ передъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ . . .

Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и пляшутъ волны къ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ въ размахѣ въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, гордой, черный демонъ бури, — и смѣется и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ:

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца; нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ . . . Громъ грохочетъ . . .

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя

змѣи вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря! . . .

IV.

Царю и его помощникамъ.

Опять убійства, опять уличныя побоища, опять будутъ казни, опять страхъ, ложныя обвиненія, угрозы и озлобленіе съ одной стороны, и опять ненависть, желаніе мщенія и готовность жертвы съ другой. Опять всѣ русскіе люди раздѣлились на два враждебные лагеря и совершаютъ и готовятся совершать величайшія преступленія.

Очень можетъ быть, что теперь проявившееся волненіе будетъ подавлено, хотя можетъ быть и то, что тѣ солдаты, полицейскіе и полковые, на которыхъ возлагаются правительствомъ такія надежды, поймутъ, что то, что ихъ заставляютъ дѣлать, есть величайшее преступленіе братоубійства и откажутся повиноваться. Но если теперь и подавится возникшее волненіе, оно не можетъ заглохнуть, а будетъ все болѣе и болѣе разгорать-

ся въ скрытомъ видѣ и неизбѣжно рано или поздно проявится съ увеличенною силой и произведетъ еще худшія страданія и преступленія.

Зачѣмъ это? Зачѣмъ это когда такъ легко избавиться отъ этого?

Обращаемся ко всѣмъ вамъ, людямъ имѣющимъ власть, отъ царя, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, до родныхъ — матери, жены, дядей, братьевъ и сестеръ, близкихъ людей царя, могущихъ влiять на него убѣжденiемъ. Обращаемся къ вамъ не какъ къ врагамъ, а какъ къ братьямъ, неразрывно — хотите ли вы этого или нѣтъ — связанныхъ съ нами такъ, чго всякiя страданiя, которыя мы несемъ, отзываются и на васъ и еще гораздо тяжелѣе, если вы чувствуете, что могли устранить эти страданiя и не сдѣлали этого, — сдѣлайте такъ, чтобы положенiе это прекратилось.

Вамъ или большинству изъ васъ кажется, что все происходитъ оттого, что среди правильнаго теченiя жизни являются какiе то недовольные люди, мутящiе народъ и нарушающiе это правильное теченiе, что винова-

ты во всемъ толко эти люди, что надо усмирить, обуздать этихъ безпокойныхъ, недовольныхъ людей и тогда все опять будетъ хорошо и измѣнять ничего не надо.

Но вѣдь если бы все дѣло было въ безпокойныхъ и злыхъ людяхъ, то стоило бы только переловить, заключить ихъ въ тюрьмы или казнить и всѣ волненiя окончились бы. Но вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ ловятъ, заключаютъ, казнятъ, ссылаютъ этихъ людей тысячами, а количество ихъ все увеличивается и недовольство существующимъ строемъ жизни не только растетъ, но все расширяется и захватило уже миллiоны людей рабочаго народа, огромное большинство всего народа. Ясно, что недовольство происходитъ не отъ безпокойныхъ и злыхъ людей, а отъ чего то другого. И стоитъ только вамъ, правительственнымъ людямъ на минуту отвести вниманiе отъ той острой борьбы, которой вы сейчасъ заняты, — перестать только наивно думать то, что выражено въ недавнемъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, что стоитъ полицiи во время разгонять толпу и стрѣлять въ нее, если она не расходится, — чтобы все было тихо и спо-

койно, стоитъ вамъ только перестать вѣрить этому, чтобы ясно увидать ту причину, которая производитъ недовольство въ народѣ и выражается волненіями, принимающими все болѣе и болѣе широкіе и глубокіе размѣры.

Причины въ томъ, что вслѣдствіе несчастнаго, случайнаго убійства царя, освободившаго народъ, совершеннаго небольшой группой людей, неправильно приписаннаго всему народу, правительство рѣшило не только не идти впередъ, отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ несвойственныхъ условіямъ жизни деспотическихъ формъ правленія, но напротивъ, вообразивъ себѣ, что спасеніе именно въ этихъ грубыхъ, отжившихъ формахъ, впродолженіе 20-ти лѣтъ не только не идетъ впередъ соотвѣтственно общему развитію и усложненію жизни, а даже не стоитъ на мѣстѣ, а идетъ назадъ, этимъ обратнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе раздѣляясь съ народомъ и его требованіями.

Такъ что виноваты не злые, безпокойные люди, а вы сами, правители, не хотящіе видѣть ничего, кромѣ своего спокойствія въ настоящую минуту. Дѣло не въ томъ, что-

бы вамъ сейчасъ защищаться отъ враговъ, желающихъ вамъ зла, — а въ томъ, чтобы увидавъ причину недовольста общества, устранить ее. Люди всѣ не могутъ желать раздора и вражды, а всегда предпочитаютъ жить въ согласіи и любви со своими братьями. Если же теперь они волнуются и какъ будто желаютъ вамъ зла, то только потому, что вы представляетесь имъ той преградой, которая лишаетъ не только ихъ, но милліоны ихъ братьевъ лучшихъ благъ человѣка — свободы и просвѣщенія.

Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на васъ, такъ мало нужно, и это малое такъ нужно для васъ самихъ, такъ очевидно дастъ вамъ успоконеніе, что было бы удивительно если бы вы не сдѣлали этого.

А сдѣлать нужно сейчасъ только очень мало. Сейчасъ нужно только слѣдующее:

Во-первыхъ — уравнять крестьянъ во всѣхъ ихъ правахъ съ другими гражданами и потому уничтожить:

а) ни съ чѣмъ не связанный, нелѣпый институтъ земскихъ начальниковъ.

б) Отмѣнить тѣ особыя правила, которыя устанавливаются для опредѣленія отношеній рабочихъ къ нанимателямъ (отношенія эти должны опредѣляться общими законами).

в) Освободить крестьянъ отъ стѣсненія паспортовъ для перехода съ мѣста на мѣсто, а также отъ лежащихъ исключительно на крестьянахъ квартирной, подводной, сельской, полицейской (сотскіе, десятскіе) повинностей.

г) Освободить ихъ отъ несправедливаго обязательства платить по круговой порукѣ долги другихъ людей, а также и отъ выкупныхъ платежей, давно уже покрывшихъ стоимость выкупаемыхъ земель, и

д) главное — уничтожить безсмыленное, ни на что не нужное, оставленное только для самаго трудолюбиваго, нравственнаго и многочисленнаго сословія людей, позорное тѣлесное наказаніе.

Уравненіе крестьянства, составляющаго огромное большинство народа, во всѣхъ правахъ съ другими сословіями особенно важно потому, что не можетъ быть прочно и твердо такое общественное устройство, при ко-

торомъ большинство это не пользуется одинаковыми съ другими правами, а находится въ положеніи раба, связаннаго особыми, исключительными законами. Только при равноправности трудящагося большинства со всѣми другими гражданами, и освобожденіе его отъ позорныхъ исключеній, можетъ быть твердое устройство общества.

Во вторыхъ — нужно перестать примѣнять такъ называемыя правила усиленной охраны, уничтожающей всѣ существующіе законы и отдающей населеніе во власть очень часто безнравственныхъ, глупыхъ и жестокихъ начальниковъ. Не примѣненіе усиленной охраны важно потому, что эта пріостановка дѣйствія общихъ законовъ развиваетъ доносы, шпіонство, поощряетъ и вызываетъ грубое насиліе, употребляемое часто противъ рабочихъ, входящихъ въ столкновенія съ хозяевами и землевладѣльцами (нигдѣ не употребляются такія жестокія истязанія, какъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ эти правила). Главное же потому, что только благодаря этой страшной мѣрѣ все чаще и чаще стала употребляться вѣрнѣе всего развращающая людей, противная христіанскому духу русскаго народа и не приз-

нанная до этого въ нашемъ законодательствѣ, смертная казнь, составляющая величайшее, запрещенное Богомъ и совѣстью человѣка преступленіе.

Въ третьихъ — нужно уничтожить всѣ преграды къ образованію, воспитанію и преподаванію. Нужно:

а) не дѣлать различія въ доступѣ къ образованію между лицами различныхъ положеній и потому уничтожить всѣ исключительныя для народа запрещенія чтеній, преподаванія и книгъ почему-то считаемыхъ вредными для народа;

б) разрѣшить доступъ во всѣ школы лицъ всѣхъ національностей и исповѣданій, не исключая и евреевъ, почему-то лишенныхъ этого права.

в) Не препятствовать учителямъ вести преподаваніе въ школахъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорятъ дѣти, посѣщающіе школы; главное

г) разрѣшить устройство и веденіе всякаго рода школъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, всѣмъ людямъ, не лишеннымъ правъ и желающимъ заниматься педагогическою дѣятельностью.

Освобожденіе образованія и воспитанія и преподаванія отъ тѣхъ стѣсненій, въ которыхъ они находятся теперь, важно потому, что только эти стѣсненія мѣшаютъ рабочему народу избавиться отъ того самаго невѣжества, которое служитъ теперь для правительства главнымъ доводомъ для примѣненія къ народу этихъ самыхъ стѣсненій. Освобожденіе отъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло образованія рабочаго народа дало бы возможность народу усвоить несравненно болѣе быстро и цѣлесообразно всѣ тѣ знанія, которыя нужны ему, а не тѣ, которыя навязываются ему. Разрѣшеніе же открытія и веденія школъ частнымъ лицамъ уничтожило бы постоянно возникающія волненія среди учащейся молодежи, недовольной порядками заведеній, въ которыхъ они находятся.

Если бы не было препятствій къ устройству свободныхъ частныхъ школъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, молодые люди, недовольные порядками правительственныхъ учебныхъ заведеній, переходили бы въ тѣ част-

ныя учрежденія, которыя отвѣчали бы ихъ требованіямъ.

Наконецъ *въ четвертыхъ* — и самое важное: нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы, нужно: —

а) уничтожить всѣ тѣ законы, по которымъ всякое отступленіе отъ признанной правительствомъ церкви карается какъ преступленіе;

б) разрѣшить открытіе и устройство старообрядческихъ часовень, церквей, молитвенныхъ домовъ баптистовъ, молоканъ, штундистовъ и другихъ, нужно

в) разрѣшить религіозныя собранія и религіозныя проповѣди всѣхъ исповѣданій, не заключающихъ въ себѣ требованій противоестественныхъ, какъ скопчество, убійство или самоубійство;

г) не препятствовать людямъ различныхъ вѣроисповѣданій воспитывать дѣтей въ той вѣрѣ, которую они считаютъ истинной.

Сдѣлать это необходимо потому, что не говоря уже о той, выработанной исторіей и наукой и признанной всѣмъ міромъ истинѣ,

что религіозныя гоненія не только не достигаютъ своей цѣли, но производятъ обратное дѣйствіе, усиливая то, что они хотятъ уничтожить, не говоря уже о томъ, что вмѣшательство власти въ дѣла вѣры производитъ вреднѣйшій и потому худшій, такъ сильно обличаемый Христомъ порокъ лицемѣрія, не говоря уже объ этомъ, сдѣлать это необходимо потому, что вмѣшательство власти въ дѣла вѣры препятствуетъ достиженію высшаго блага, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всѣхъ людей — единенія ихъ между собою. Единеніе же достигается никакъ не насильственнымъ и невозможнымъ удержаніемъ всѣхъ людей въ разъ усвоенномъ внѣшнемъ исповѣданіи одного религіознаго ученія, которому приписывается непогрѣшимость, а только свободнымъ движеніемъ, всего человѣчества въ приближеніи къ единой истинѣ, которая поэтому одна и можетъ соединить людей.

Таковы самыя скромныя и легко исполнимыя желанія, какъ мы думаемъ, огромнаго большинства русскаго общества. Примѣненіе этихъ мѣръ несомнѣнно успокоитъ общество и избавитъ его отъ тѣхъ страшныхъ стра-

даній (и то, что хуже страданій) преступленій, которыя неизбѣжно совершатся съ обѣихъ сторонъ, если правительство будетъ заботиться только о подавленіи волненій, оставляя нетронутыми ихъ причины.

Обращаемся ко всѣмъ вамъ, — царю, министрамъ, членамъ государственнаго совѣта и совѣтникамъ и близкимъ къ царю — вообще ко всѣмъ лицамъ имѣющимъ власть, помогите успокоенію общества и избавленію его отъ страданій и преступленій. Обращаемся къ вамъ не какъ къ людямъ другого лагеря, а какъ невольнымъ единомышленникамъ, сотоварищамъ нашимъ и братьямъ.

Не можетъ быть того, чтобы въ обществѣ людей, связанныхъ между собой, было бы хорошо однимъ, а другимъ худо. Въ особенности же не можетъ этого быть, если худо большинству, на которомъ держится все общество.

Помогите же улучшить положеніе этого большинства, и въ самомъ главномъ: въ его свободѣ и просвѣщеніи. Только тогда и ваше положеніе будетъ спокойно и истинно хорошо.

Писалъ это Левъ Толстой и писавшій старался изложить не одно свое мнѣніе, а мнѣніе многихъ лучшихъ безкорыстныхъ и добрыхъ людей, желающихъ того-же.

Левъ Толстой.

15 марта 1901 г.
Москва,
Хамовническій пер. 21.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ.

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ВОСКРЕСЕНІЕ

РОМАНЪ
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

* ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ *

Цѣна 3 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

РОССІЯ НАКАНУНѢ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

* * *

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 мар.

Инв. 3280
~~инв. № - 12050~~
инв. № IV - 29543
№ 1.151

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ПОСЛѢДНІЯ
РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ
ВЪ РОССІИ
и
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Цѣна 2 мар.

Собраніе книгъ
главнѣйшихъ русскихъ писателей.

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи.

I.	**ШИДАРЪ,** Нравственныя задачи XX вѣка	1,50	Мар.
II.	**П. Н. ТОЛСТОЙ,** Письмо	—,60	„
III.	— —, Разумъ	—,80	„
IV.	— —, Не воевай	—,80	„
V.	— —, Палкинъ	—,80	„
VI.	— —, Патріотизмъ или миръ? . . .	—,80	„
VII.	— —, Плоды	1,—	„
VIII.	— —, Крестникъ	1,—	„
IX.	— —, Мысли о Богѣ	1,20	„
X.	— —, Рабство нашего времени . .	1,50	„
XI.	— —, О смыслѣ жизни	1,50	„
XII.	— —, Христіанство	2,—	„
XIII.	— —, Половой вопросъ	2,—	„
XIV.	— —, Воскресеніе	3,50	„
XV.	— —, Царство Божіе, 2 части . . .	6,—	„
XVI.	**Б. ЧИЧЕРИНЪ,** Польскій и еврейскій вопросы	1,—	„
XVII.	**М. Горькій,** Запрещенное. О писателѣ, который зазнался. — Весеннія мелодіи.—Передъ лицомъ жизни	1,—	„
XVIII.	* * *, Толстой и Святѣйшій Синодъ	1,50	„
XIX.	* * *, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія	2,—	„
XX.	* * *, Послѣднія революціонныя событія	2,—	„

Rosenthal & Co., Berlin N., Johannisstr. 20.